

S T U D I A P H I L O S O P H I C A

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

А. В. СМИРНОВ

СОЗНАНИЕ
ЛОГИКА
ЯЗЫК
КУЛЬТУРА
СМЫСЛ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2015

УДК 1/14
ББК 87.2
С 50

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-03-16006

Утверждено к печати решением
Ученого совета Института философии РАН

Рецензенты:

докт. филос. наук, проф. Н. В. Мотрошилова
докт. филос. наук, проф. М. М. аль-Джанаби

С 50 **Смирнов А. В.**

Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 712 с. — (Studia philosophica).

ISBN 978-5-94457-235-6

Стержневая проблематика книги — субъект-предикатный комплекс, взятый как ядерная форма сознания в его основных аспектах: самосознание, чувственное восприятие, дискурсивное мышление. Обоснована принципиальная возможность осмысления любой субъект-предикатной конструкции в двух логиках — субстанциально-ориентированной и процессуально-ориентированной, эксплицирована процессуальная логика смысла. Показана необходимость дополнения традиционных методов анализа до логико-смысловых, позволяющих учесть вариативность логик осмысления. На материале арабского языка и арабо-мусульманской культуры продемонстрирована эффективность анализа смысловых конструкций в процессуально-ориентированной перспективе на основе соответствующей логики.

УДК 1/14
ББК 87.2

Научное издание

Андрей Вадимович Смирнов

СОЗНАНИЕ. ЛОГИКА. ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. СМЫСЛ

Корректор Е. Сметанникова. Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 13.11.2015. Формат 70×100 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная,
гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 57,4. Тираж 700 экз. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры». № государственной регистрации 1037739118449

Тел.: +7 (495) 624-95-32. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com

Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».

Тел.: +7 (499) 255-77-57. E-mail: gnosis@pochta.ru

Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).

Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

ISBN 978-5-94457-235-6

© Институт философии РАН
© А. В. Смирнов
© Языки славянской культуры

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
----------------	---

I. СОЗНАНИЕ

Сознание как смыслополагание. Культура и мышление	13
Смыслополагание и инаковость культур	71

II. ЛОГИКА

Шкатулка скупца, или Почему мы верим в законы логики	159
О логической интуиции арабо-мусульманской культуры	209
Логика субстанции и логика процесса: <i>тавхїд</i> и проблема божественных атрибутов	226

III. ЯЗЫК И ПЕРЕВОД

Философия перевода и перевод философии	259
Как возможен перевод? Язык, мышление и логика смысла	281
Можно ли строго говорить о непереводаемости?	296
Где спотыкается перевод: логико-смысловой излом	308
Логическая неопределенность перевода: грамматика языка и грамматика мысли	329

IV. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Существует ли «всемирная философия», или Проблема преодоления чуждости чужого	349
Сравнительная философия как философская дисциплина	359
Новый гуманизм как новый универсализм?	369
О методологии изучения незападных культур	378
Каким может быть философское исламоведение? Универсалистский, цивилизационный, логико-смысловый подходы	385
Общечеловеческое и всечеловеческое, или Чему сегодня нас может научить Н. Я. Данилевский	397

V. КУЛЬТУРА

Как различаются культуры?	407
Типология культур и картина мира	421

Специфика или инаковость? Проблема соотношения знания и веры и логико-смысловая архитектоника культуры	437
Заключение	452

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Прикладные логико-смысловые исследования

Архитектоника мусульманской этики.	459
Справедливость (опыт контрастного понимания)	483
Соизмеримы ли основания рациональности в разных философских традициях? Сравнительное исследование зеноновских апорий и учений раннего калама	527
Светоносный мир: логико-смысловой анализ оснований философии ас-Сухравардī	569
Бог-и-мир и Истина истин: логико-смысловой анализ оснований концепции Ибн ‘Арабī	582
Ибн Халдūн и его новая наука	602

Б. Работы по арабо-мусульманской философии

От доктрины к логосу: рождение арабской философской традиции	627
Основные черты философского учения Хамīд ад-Дīна ал-Кирмāнī	634

В. Из учебника «История арабо-мусульманской философии»

Эпистема классической арабо-мусульманской культуры	649
Философский суфизм: учение Ибн ‘Арабī	666
«Обустройство мира»: концепция Ибн Халдūна	691
Цитируемая литература	705

ВВЕДЕНИЕ

Говорят, что философские проблемы не могут быть решены, что дело философии — поставить их, показать как проблему. Проблематичность — это мышление, а решенность проблемы — конец мысли. Это верно; проблематичность должна всегда оставаться; но кто сказал, что она должна быть всегда одной и той же? Если бы философия не давала вовсе никаких решений, если бы она всегда начинала все сначала, возвращаясь, как вечный двоечник, каждую осень в один и тот же класс, это было бы в самом деле бесплодным хождением по кругу.

Самая главная проблема философии — смысл; настолько главная, что она до сих пор толком не была поставлена. Хотя бы потому, что смысл всегда отодвигался «на потом» и ни у кого не играл роль начала. Между тем смысл — дело философии, и только философии, потому что смысл и есть начало; наука же никогда не занимается проблемой начала, она может лишь разрабатывать данное ей начало.

Мощь науки — в том, что она в конечном счете доводит свое дело до технологии, с помощью техники превращая мир в «постав», если использовать передачу В. В. Библихиным мысли М. Хайдеггера. Но проблема начала — не проблема науки; это — проблема философии. Ведь подлинность начала — в его безначальности, в том, что оно ничем не обосновано; но как то, что не имеет начала, получит силу обосновать всё, для чего служит началом? В этой книге сделан шаг к тому, чтобы поставить проблему безначального начала как проблему смысла; проблему различности, которая не создает различия; проблему, которая названа проблемой *то же иначе*. Это именно проблема: вопрос о том, как можно ухватить неухватываемое, как можно укротить эту безумную антиномичность.

Оставаясь проблемой, этот вопрос рождает решения; собственно, проблема поставлена не тогда, когда любое решение бесплодно, а тогда, когда любое плодотворное решение разрешает ее лишь отчасти, не до конца. В книге проведено различие между смыслом и осмысленностью, между неухватываемым безначальным началом (тем, что может быть только названо словосочетанием *то же иначе*) и тем, что схватывается в привычных формах субъект-предикатных конструкций (тем, что взяло свое начало в *то же иначе*).

Если смысл — подлинное начало, то нам стоит отбросить вековую привычку ставить «смысл» на последнее место в ряду понятий, начинающихся «внешним миром», который дан нам как условие и в отношении к которому мы располагаем себя. Нет никакого сомнения в том, что любой человек, в том числе и автор этих строк, строит свое поведение, исходя именно из этого убеждения: мир дан как условие, иначе говоря, он задан нам, и наша задача — постичь его, чтобы приспособиться к нему и выстроить свое поведение максимально эффективно. Это очевидно.

Однако совсем не очевидно, что так оно и есть на самом деле и что стихийное убеждение любого человека, не отличающееся в этом отношении от «убеждения» любого живого существа (каждое из них приспосабливается к заданности мира), да и неживой материи также (у нее совсем нет никакого «убеждения», но она точно так же реагирует на внешний, заданный для нее мир: камень катится по склону, сталь плавится в печи, т. д.), — что это стихийное убеждение уже и воплощает истину устройства этого самого «мира». Ведь не менее очевидно, что мы не обладаем ничем, кроме своего сознания, что любая убежденность в заданности внешнего мира, как и сам заданный для нас мир, — не более чем содержание нашего сознания. Вопрос о смысле и осмысленности есть вопрос о том, как это содержание возникает, т. е. каковы его условия и по каким законам оно выстраивается. Это вопрос о том, каково движение от смысла — к осмысленности, от начала — к тому, что этим началом задано.

Вопрос о смысле и осмысленности — это вопрос о том, что мы можем знать о своем сознании, а значит, и знать о мире. Наше знание о мире всегда опосредовано, и чтобы мы могли найти что-то в мире, это «что-то» должно быть прежде того полагаемо нашим сознанием. Мир никогда не навязывает себя, он послушно укладывается в те возможности, которые приготовляет для него наше сознание. Но вот какое дело: эти возможности задаются нашим сознанием, но не нами. Наше сознание не равно нашей субъектности, пусть субъектность и неотъемлема от сознания. Сознание, т. е. способность полагать осмысленность, имеет собственные законы, и эти законы могут быть открыты, когда мы исследуем результаты деятельности сознания. Вопрос о смысле и осмысленности — это вопрос о том, каковы законы, управляющие деятельностью сознания.

На пути от смысла к осмысленности, от безначального начала к тому, что этим началом задано, и совершается эта бесподобная метаморфоза: неухватываемое начало обретает плоть, смысл предстает как осмысленность. Как именно это происходит — об этом и пойдет речь в книге. Но главное заключается в том, что мы способны понять, как наше сознание проходит свой путь от условий (смысла) к содержанию (осмысленности). Безусловно, данный «путь» — реконструкция, и ничем другим он не может быть; и все же эта реконструкция отвечает на вопрос о том, как возможно содержание нашего сознания и почему оно выстроено именно так, как мы это неизменно обнаруживаем.

И еще одно. Если путь от смысла к осмысленности, от условий сознания к его содержанию закономерен, то он поддается упорядоченному исчислению. Это не расколдовывает волшебство смысла, но дает возможность работать с осмысленностью как с содержательностью, понимая закономерности ее выстраивания. Работа с текстом, работа с понятием, работа с проблемой, работа с миром (филология, философия и наука) может быть технологичной, если она опирается на знание законов выстраивания осмысленности.

Путь от смысла к осмысленности типологически не однороден. Иначе говоря, есть как минимум две взаимно-инаковые возможности пройти его. Это заставляет

говорить о двух разных логиках выстраивания осмысленности; о разных логиках работы сознания. О том, как именно и почему такой разговор возможен и, более того, необходим, и пойдет речь в книге.

Мы можем пройти путь от смысла к осмысленности по любой из этих альтернативных дорог, но не по обеим сразу. Где исток и этой альтернативности, и неизбежности выбора? И каковы следствия того и другого, т.е. самого факта альтернативной возможности понимания и осмысления, во-первых, и неизбежного выбора в условиях этой альтернативности, во-вторых, для нашего опыта — для тех констелляций значений, из которых соткан мир вокруг нас? Эти два вопроса определяют два разнонаправленных вектора рассуждения в этой книге.

Первый ведет в область исследования условий сознания. Второй — в область опыта. Эти два разнонаправленных вектора разворачивают в линию проблематику книги, чем оправдывается ее структура. Вместе с тем такое разворачивание никогда не удается до конца: «сжатость» проблематики, где одно неизбежно увязано и переплетено с другим, не позволяет окончательно расчленить рассуждение и разнести его по отдельным главам и параграфам. Структура книги в какой-то степени условна, поскольку вопрос о смыслоположении — это единый вопрос, и различные его аспекты могут быть выделены лишь относительно.

Первой «остановкой» на нашем пути от смысла к осмысленности, от условий сознания к его содержанию станет экспликация двух логик задания осмысленности. Хотя сами логики априорны, они всегда погружены в материал, языковой и текстовой. Поэтому следующим шагом будет исследование вопросов, связанных с языком и языковыми формами смыслофиксации. Альтернативность логик не может не просвечивать и сквозь языковую «материю», коль скоро мы ведем речь о языках, хорошо приспособленных для выражения альтернативных стратегий смыслоположения, а проблема перевода, взятая как таковая, не может не отсылать к самому началу — к смыслу как к той «территории», которая единственно может служить межъязыковым посредником. Что касается культуры, то арабистические исследования всегда были для меня, помимо и даже прежде всего прочего, притягательными потому, что давали волшебную возможность прикоснуться к другой, незнакомой организации мышления, к иной логике культуры — столь же мощной и столь же фундаментальной, как и привычная по собственному опыту, но демонстрирующей иные силовые линии выстраивания осмысленности. Поэтому культура и методология ее изучения — еще один узловоей пункт рассуждения о смысле и смыслоположении.

Таков путь разворачивания рассуждения в этой книге, от сознания к логике, языку и культуре. Этим завершается теоретическая часть книги; ее итоги суммированы в Заключение.

Все, что сказано в теоретической части книги о возможности просчитать содержательность, сказано всерьез. Приложение показывает, как именно это может быть сделано на конкретном материале при сегодняшнем уровне развития технологии логико-смысловой работы. Шаг за шагом, применяя теоретические положения,

развитые и обоснованные в первой части книги, мы будем в Приложении выстраивать содержательность и анализировать ее. Так еще никогда не делали; я могу с полным на то правом утверждать, что стал первым, кто прошел по этому пути.

За вычетом нескольких, работы, составившие эту книгу, были опубликованы в свое время в разных сборниках и журналах; в начале каждой даны соответствующие отсылки. Все они были пересмотрены и отредактированы, а некоторые существенно переработаны, не говоря уже о правке, носившей формальный характер.

Я рад, что имею возможность высказать свою благодарность всем моим учителям, друзьям и коллегам-арабистам, с которыми я обсуждал идеи этой книги и которые отнеслись к ним с пониманием или с критикой. Моя признательность — всем моим коллегам в Институте философии РАН, где мне посчастливилось работать более четверти века и где была создана удивительная, самая благоприятная творческая атмосфера взаимного уважения и взаимной требовательности. Особая благодарность — всем, кто работает со мной в секторе философии исламского мира нашего Института: обсуждения и споры у нас всегда носили неформальный характер и помогли мне многое понять и улучшить. И вряд ли я когда-нибудь сумею выразить словами все, чем обязан моей жене Саше, которая стойко переносила все эти годы мою захваченность арабистикой и философией: без ее любви, терпения и заботы эта книга не могла бы состояться.

июнь 2015

I
СОЗНАНИЕ

СОЗНАНИЕ КАК СМЫСЛОПОЛАГАНИЕ. КУЛЬТУРА И МЫШЛЕНИЕ*

Известно, что целые рассуждения проходят иногда в наших головах мгновенно, в виде каких-то ощущений, без перевода на человеческий язык, тем более на литературный.

Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот

Этот текст, как увидит читатель, развивается не линейно; мы будем возвращаться в вопросы, уже поднятым, чтобы взглянуть на них с новой или слегка измененной точки зрения, или же просто чтобы углубить их понимание. Какие-то понятия рассмотрены более подробно, какие-то только намечены, но не разработаны, и это не случайно: здесь — лишь набросок, задача которого — дать целостное видение и целостное понимание, оставляя подробную разработку для другого места или опираясь на то, что уже было сделано, и не повторяя этого здесь.

Целостное видение и целостное понимание — чего? Я бы ответил так: это вопрос о том, *как возможно сознание*. Сознание не может быть понято пред-посылочно; я хочу сказать, что его пониманию не может быть предпослано нечто уже сформулированное: тогда оказалось бы, что сознание предшествует самому себе, потому что любая формулировка предполагает осознанность и осмысленность. Понимание сознания должно вырастать как будто *из ничего* — но при этом *быть всем*, потому что наше сознание — это то самое *Всё*, чем мы владеем и что нам дано. Старая проблема совпадения крайних противоположностей, послание великого Кузанца; самое интересное из всего, с чем можно иметь дело, и совсем не чуждое философскому предпрятию, а скорее даже составляющее его дух и сердцевину: попытка дойти до предельных оснований, парадоксальная в самой своей сути, — ведь основание, схваченное мыслью, тем самым уже, кажется, перестает быть предельным.

Но решение есть, более того, оно лежит почти на поверхности; во всяком случае, сказанного в истории мысли достаточно, чтобы его найти. Попробуем сделать это.

* Впервые опубликовано в: Россия в архитектуре глобального мира: цивилизационное измерение. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 167—237.

КУЛЬТУРА

О культуре нередко говорят как о способе осмысления мира. Это очень близко к тому, как термин «культура» будет пониматься здесь. Скажем в первом приближении так: культура — это *способность разворачивать смыслы*.

Термин «смысл» будем трактовать просто и незамысловато: это не нечто трансцендентное, не что-то открываемое *за* чем-то, как когда говорят: «В чем смысл этого?». Смысл — это то, что делает возможным наше сознание: осмысленность — среда сознания, и о сознании можно говорить как о работе с осмысленностью. «Смысл» и «осмысленность» — не одно и то же, но об их различии мы поговорим позже¹. Сейчас же главное заключается в том, что культура и сознание, как они понимаются здесь, не просто близки, а внутренне связаны, переплетены порой до неразличимости. Ведь культуру мы будем понимать как способ смыслополагания, а значит — как проявление работы сознания, как некую, если угодно, его функцию. «Смыслополагание» — категория, которая будет предложена как фундаментальная, как такая, к которой сводятся или через которую объясняются многие категории и понятия, традиционно используемые для описания сознания и мышления. Что такое смыслополагание и насколько успешным может быть предложенное предприятие: понять сознание как смыслополагание и объяснить мышление как осуществление законов смыслополагания (а суть дела в том, что смыслополагание — деятельность, опирающаяся на строгие законы, некоторые из которых нам предстоит открыть), — именно это нам и предстоит выяснить в данной работе.

Однако культура — не просто способность разворачивать смыслы, а значит, не просто проявление способности смыслополагания. Культура — попытка *последовательного*, в идеале «бесшовного», осмысления мира. Конечно, этот идеал никогда не достигается, но от этого он не перестает быть идеалом. Он не теряет своей власти, поскольку его власть укоренена в нашей внутренней убежденности в единстве и устойчивости мира, в его законосообразности. Будь иначе, мы просто не смогли бы прожить и дня: мы можем сомневаться в чем угодно, но только не в том, что наше *Я* сегодня — то же самое, что было вчера и будет завтра. Речь, конечно, о психологической, глубинной, чаще всего не осознаваемой убежденности, определяющей наше поведение, а не о религиозных или философских учениях. Устойчивость и неизменность *Я* коррелирует с нашей убежденностью в устойчивости и глубинной (конечно же, не поверхностной) неизменности мира: будь иначе, никто не стал бы строить планы на будущее и не мог бы ощущать ответственности за прошлое. Вся пестрота и мозаичность мира, который мы видим вокруг, вся карнавальность и диалогичность культуры возможны только и именно потому, что

¹ Категорию «смысл» я резервирую для того, что ниже будет названо условиями сознания и раскрыто как чистая связность, или чистая целостность, тогда как «осмысленность» — для обозначения содержания сознания, рассматриваемого с точки зрения своего логико-смыслового строения как субъект-предикатный комплекс.

предполагают некий общий стержень, некую устойчивость, некое пространство, в котором они могут располагаться и заявлять о себе. Это *пространство культуры* поддерживает диалог и удерживает его от рассыпания на серию монологов. Схожим образом наше сознание не дает мозаике мира распасться, образовав хаотичную грудку цветных обломков. Пространство культуры задано ее глубинной логикой; точно так же мы видим мир единым, придавая ему фундаментальную логику. И то и другое, конечно, не формальная логика в ее современном понимании; речь о логике мышления, а значит, о смысловой логике, о логике смысла.

СВЯЗНОСТЬ МИРА И СВЯЗНОСТЬ РЕЧИ

Бесшовное, плавное осмысление мира никогда не удастся нам; попытка представить мир как единый сразу же сталкивается с непреодолимыми препятствиями. Первое из них мы встречаем в языке. Слова, которыми мы пользуемся, разнесены по категориям. Категории — как будто ящички, в которые ссыпаны разные ярлычки; эти ярлычки мы наклеиваем на ту текучесть многообразия, которая предстает для нашего сознания. Мы знаем по опыту своего языка, что бывают имена существительные и имена прилагательные, что бывают глаголы и наречия, числительные и местоимения. Границы между ними как таковыми непреодолимы: существительное, например, не может стать прилагательным, не перестав быть собой, а числительное никак не превратится в местоимение.

Это с одной стороны. А с другой, мы не менее точно знаем, что слова можно *связывать*, получая предложения. С этим удивительным свойством *связности* мы встречаемся ежедневно по многу раз, совершенно не обращая на него внимания, как будто связность естественна и неизбежна. Между тем это совсем не так, и из того, что существует слово, никак не вытекает, что должно существовать и связанное предложение. Верно, что слова также являют нам связность, иначе невозможны были бы ни словоизменение, ни словообразование. И все же связность предложения — это нечто совсем иное, нежели связность слова.

В чем разница? Разница в том, что слова еще не погружены в *связность мира*. Мир, предстающий нашему сознанию как сырой материал, *текуч*; не случайно говорят о потоке сознания как о неконтролируемом и необработанном. Слова выхватывают отдельные моменты этой текучести, фиксируя их: капельки потока застывают, как смола, своей прозрачностью намекая на континуальность породившего их потока, а отвердевшей поверхностью — на собственную ограниченность. Так текучесть схватывается как ограниченность отдельного; так отдельное выхватывается из континуального потока. Это отдельное — именно отдельно, то есть отделено: неназванная текучесть прерывается как *названность несвязного*; только так и возможно *слово*.

Несвязность, таким образом — отрицание текучести; наш первый шаг на пути фиксации осмысленности. Этот шаг необходим, как любой первый шаг. Но чтобы стать первым, он должен повлечь за собой следующие.